"Да, пытки это... лишнее", - машинально ответил Гарри. Он на собственном опыте убедился, насколько ужасными могут быть методы Амбридж, когда она этого действительно хочет. Он лично лечил раны Майкла и видел, как это на него действует. Когда-то Гарри был бы рад таким проблемам для "героя", но после того, как он убрал кровь с руки юного Слизеринца и медленно залечил его шрам, ему стало противно от одной только мысли об этом. "Возбуждают чужие страдания?".

"Отстань", - насмехался Малфой. "Ты ненавидишь Лонгботтома так же, как и я, может быть, даже больше".

"Не все из нас в восторге от того, что Амбридж мучает других студентов, даже если это кто-то такой высокопоставленный и могущественный, как Лонгботтом", - сказал Тео.

"Вы слышали, что все говорят о ее задержаниях", - добавил Блейз.

"Да, но это все преувеличение", - фыркнул Малфой. "Скорее всего, это просто небольшие порезы, которые мадам Помфри могла бы залечить".

"Почему бы тебе не пойти и не выяснить это самому?" - сардонически спросила Пэнси.

"Я не настолько глуп, чтобы идти против Амбридж", - нервный смешок вырвался из уст Малфоя. "Если мой отец хотя бы пронюхал, что я пытаюсь сделать с вами..."

"Да, да, мы все знаем о твоих проблемах с отцом". Дафна отмахнулась от него и повернулась к Тео. "Даже если сеансы наказаний Амбридж настолько плохи, как об этом говорят, вы же не можете ожидать, что мы будем сочувствовать Лонгботтому, правда? Мы же не заставляем его ссориться с ней, не заставляем его ставить себя в такое положение, когда Амбридж почти

ежедневно мучает его".

"Однако Амбридж действительно неравнодушна к нему", - прокомментировал Тео.

"О, это точно. Но он всегда ищет ссоры с ней. Если бы он просто молчал и не высовывался, он бы не сидел постоянно в изоляторе, не портил бы себе руку, как идиот. Если бы он вел себя так же, как мы, и не говорил ни слова, я бы могла его пожалеть - могла бы, - но он не сам себя не жалеет. У него какой-то комплекс мученика, и он не теряет времени даром, подвергая себя опасности, и все это для того, чтобы быть в центре внимания, и чтобы все восхищались и восхваляли, какой он герой, даже если он просто переборщил с поиском внимания к себе".

"А как же все остальные, кого пытала Амбридж?" - серьёзно спросила Пэнси. "Я ни в коем случае не являюсь поклонницей Лонгботтома, но Амбридж не заботилась о том, кто нарушает её правила или в какой степени они нарушают, она наказывала их бесчеловечными способами. Черт возьми, она не уклоняется от наказания и Слизеринцев. Рано или поздно кто-то из нас может стать следующим, твоя сестра может стать следующей. Будет ли она виновата, когда ее рука окажется искалеченной этой сукой?"

"Да", - холодно ответила Дафна. "Мы, как никто другой, должны знать, что жизнь несправедлива, она не приспосабливается к нашим нуждам и не проявляет к нам сочувствия, любой, кто говорит обратное, заблуждается или является четырехлетним ребенком.

Моя сестра умна, и она знает, как выжить, и я надеюсь, что вы тоже. Но Лонгботтом - идиот, который думает, что может подстроить мир под свою точку зрения с помощью самопожертвования. В нём нет ни капли интеллекта, который позволил бы ему добиться реальных изменений, вместо этого он произносит громкие речи и делает театральные жесты, не оказывая реальной помощи.

Дамблдор пришёл бы остановить Квиррелла независимо от участия Лонгботтома, Дамблдор вернулся в школу ещё до того, как Лонгботтом покинул Тайную комнату, если бы Лонгботтома не было там в ночь побега Блэка, дементоры, возможно, действительно поймали бы его, и

оборотень не напал бы на других глупых гриффиндорцев.

Все случаи, когда он совал свой нос в чужие дела, только ухудшали ситуацию или не имели никакого значения. Если он хочет изображать из себя героя, делать вид, что он что-то меняет, и принимать все страдания, через которые ему приходится проходить, как должное, то это его выбор. Я, например, не испытываю к нему ни малейшего сочувствия".

"Ты не знаешь того что было наверняка", - тихо сказал Гарри.

"Может быть, и нет, но я готов поспорить, что в большинстве случаев, когда Лонгботтом выступал в роли героя, он только ухудшал ситуацию для себя и других, и этот год не станет исключением".

"Если ты действительно считаешь, что он не имеет никакого значения во всем, что он делает, то какого черта ты хочешь, чтобы мы сотрудничали с ним и другими гриффиндорцами?" - спросил Малфой.

"Потому что, когда все пойдет не так и кого-то поймают, я буду спокойно наблюдать со стороны, а Лонгботтом будет расплачиваться за наш сговор, в очередной раз добровольно сделав себя мучеником".

"Ты так говоришь, как будто не испытываешь угрызений совести за то, что, по сути, толкаешь Лонгботтома под автобус", - сардонически сказал Гарри.

"Правда? Ты ненавидишь этого парня и был вовлечен в это больше, чем даже я".

"Забавно, как ты уклонилась от ответа", - заметил Гарри.

"Ответ - нет", - яростно сказала она. "Я не испытываю ни малейших угрызений совести. Лонгботтом занимается этим сам, я его ни к чему не принуждаю. Если уж на то пошло, я слежу за тем, чтобы его самопожертвование действительно кого-то спасло, а не оказалось совершенно бесполезным. Но если кто-то готов подвергнуть опасности себя и тех, кого он любит, это не значит, что я готова. Я сделаю всё, чтобы защитить тех, кто мне дорог, Поттер, а ты?"

После окончания разговора на группу опустилась тишина, которая не покидала их на протяжении всего завтрака и во время прогулки к классу Защиты от тёмных искусств. Казалось, что время в пути замедлилось, и Гарри почувствовал, как в груди у него сжалось от одной мысли о том, что он окажется в одной комнате с Амбридж.

Он практически не обращал на неё внимания, что было совсем несложно, учитывая, что большую часть времени на уроках они проводили за чтением, при этом розовощекая жаба ничего не говорила. Это было одной из тех вещей, которые заставили его сохранять собранность и не присоединяться к гриффиндорцам в нападении на неё. Потому что, в отличие от них, у него действительно была причина, а не просто жалобы на их учебные планы.

Но сегодня всё было по-другому: Амбридж отдыхала, выжидая удобного момента, когда она сможет надёжно завладеть властью в школе, прежде чем выставлять её напоказ. Это был умный ход, ход Слизерина, и какая-то часть его души хотела похвалить её за терпение и дальновидность. Он сам был слишком импульсивен, даже будучи Слизеринцем, ему редко удавалось держать себя в руках, поэтому он был склонен уважать тех, кто мог сдержать себя от необдуманных поступков.

Он не знал, что она сделает и как отреагирует, и это пугало его. Со Слизеринцами все было проще: он просто отключал свои эмоции по отношению к ним, когда имел с ними дело, хотя и не упускал случая подколоть их. В их поступках не было ничего личного: издевательства, дискриминация, все те случаи, когда они переступали через него, чтобы подняться выше. Все это было частью игры, и он научился понимать, что не стоит принимать такие вещи близко к сердцу. Поэтому, даже если он страстно их не любил, он никогда не действовал в соответствии с этим чувством.

http://tl.rulate.ru/book/100416/3436355